

И открылось село на горочке.

Нежданно как-то открылось, словно случайно выплыло на горизонтной ленточке, черноватой лесной границей снизу поджатое, сверху голубизной небесной, - и сразу накрепко зацепило взгляд, не оторвать его больше, не отвести в сторону. И сердце радостным пламенем обожгло, так что грудь стала ему тесна, как темница, - стучится, рвется в нетерпении на простор, на свободу: скоро уже, совсем скоро до долгожданной встречи.

Колоколенка, свечечка белая, как пограничный магнетик, привораживает, манит и колет глаза теперь непрестанно, слезит мятным светом, не отпускает. Чуть правее - угадываются четко очертания храма Преображения с мощными седыми стенами, с ребристым вершком, с хрупкой капелькой луковки, а рядышком соседится Никольский собор с обновленной стальной главой, с крепкой входной колоннадой...

Великий град, чудотворный!

Милая картинка - летит к ней душа, не остановишь, не поспеешь натруженным телом, сбитыми до мозолей ногами.

Хотя и далековато еще до села, если на пешее расстояние прикидывать, мерить шагом да метром, а, вроде, и ничего. Есть впереди святой маячок - веселее бежится. И пусть спуск еще предстоит протяженный, по полям-луговинам сначала, через комариное марево, мимо брошенной завалившейся избенки с раскиданным затрухлявленным пряслом. Здесь порой

привал делают - последний паломнический отдых на половинку часа перед последним проходом крестного хода. Потом будет еще подъем нелегкий, длительный, по сырой земле и высокой траве да асфальтовый крюк в несколько километров. Но все равно вот уже она, жемчужина земли вятской, словно на ладошке лежит, приветливо к приему готовится.

Великорецкое! Село на Великой реке!

...Дела чудные, дивные. Корнями родовыми - и отцовскими, и материнскими, и прадедов обеих ветвей - из окрестных я мест: верходворских, лызгачевских, мосинских. Отсюда, из Великорецкого, до сел этих - и поныне здравствующих, хоть и серьезно, смертельно хворающих, как, впрочем, и вся поголовно российская глубинка, - всего-ничего. Особенно, если не плутать объездами, а держать путь напрямки, через поля и увалы. Но ни в детстве своем, когда отправляли меня из областного города на летнюю побывку к бабушке на юрьянский починок, и с кровными братьями, с местной пацанвой мы излазили все ближайшие луга, березники и поскотины, исплескали, замутили речное мелководье по верховьям и низовьям на многие километры от дома; ни после уже, в зрелом возрасте, долго не приводил счастливый случай побывать здесь, на святом берегу, чтобы преклонить голову перед великим чудом, утешить душу великой радостью.

Неисповедимы пути Господни!

...Первая встреча - яркое солнышко памяти.

Хмарью, пронизывающим ветродуем, холодной дождевой моросью начиналось то незабвенное утро одного из последних октябрьских дней одного из первых годов нового века, когда, наконец, что-то неудержимо позвало, толкнуло в дорогу - пора, пора. Но даже тут еще кознил упрямо лукавый, запутывал, затягивал знакомство: промчались с женой в разговоре по трассе до самого моста через Великую, до границы Орловского района. Тогда только опамятавали: что это? куда это мы? Юрьянский отворот давно за спиной остался. Пришлось разворачивать машину, урезать слова...

Не ведаю до сей поры, истинно ли утверждение, что с неизменной ласковостью принимает Великорецкое каждого нового встречного. Но у меня, действительно, так и случилось: едва поравнялись с дорожным указателем села, как чудным образом растаяла разом непогодная серость, прекратился нудный дождик, и даже по-весеннему потеплело. Замечательный денек разыгрался, словно приветствовал на пороге:

Здравствуй, добрый человек! Храни тебя Господь и Николай Угодник!

По Великорецкому - желтые лиственницы и голые тополя. Опавшая листва острым плотиком плавает по лужам. Сгорбленная бабушка - в болоньевой курточке, в резиновых сапогах, с холщовой котомкой за спиной и клюкой в руках - копотит в магазин товаров повседневного спроса. Ее за пятки хватают две собачки-дворяжки. Протарахтел, продымил ИЖ: два некрепко стоящих на ногах мужичка тоже ломанулись в дверь торговой точки. А больше никого на улице...

Как тихо кругом! И от этого на душе покойно, сладостно. Словно замерло все в ожидании чего-то значимого, важного - и природа, и село...

- Возбранный Чудотворче и изрядный угодниче Христов, миру всему источай многоценное милости миро и неисчерпаемое чудес море, восхваляю тя любовию, Святителю Николае: ты же, яко имеяй дерзновение ко Господу, от всяких мя бед свободи, да зову ти: Радуйся, Николае, великий Чудотворче... - в часовенке у святого источника жена читает акафист. Стою рядом в смирении, слушаю волшебные слова под журчание тонкой родниковой струйки. А перед глазами прямо, на округлых ребрышках сруба - лик святителя с раскрытым Евангелием. Слева от него - икона Божьей матери Владимирской, справа - Пантелеймона Целителя.

Шелестят странички малой книжицы. И неведомо мне в эти милые минуты, сокрыто от знания, что через полгода с небольшим сборничек этот под ливнем и солнцежаром пройдет на моей груди весь Великорецкий крестный ход, и листочки его где-то подмокнут, где-то завьются. А до июня еще будет Никола-зимний: паломническая поездка, вечерняя служба в тесной колоколенке, ночевка сорока человек в крохотной каморке Преображенского храма, утренняя и дневное купание по морозцу в верхней купели с вятским священником и нижегородским инженером. Приеду я сюда и по весне, и с игуменом Тихоном, настоятелем созданного здесь монастыря и неизменным предстоятелем крестного хода все последние годы, мы уйдем на задки усадьбы и, схронившись от небесной капли в

предбаннике, проговорим многие часы...

Где-то в это же время, на пере­ломе холода и тепла, услышал я историю о получившем серьезное ранение в Чечне вятском парне, давшем обетное слово святителю Николаю: если оправится, выжи­вет, непременно придет в Вели­корецкое. Бог милостив: вырвал­ся солдат из недужья, окреп постепенно телом, но не ногами преодолел многокилометровый молитвенный путь, а на машине, в веселой компании друзей. Посчи­тал: и это пойдет в зачет, только... Только в одну из скорых ночей явился ему во сне угодник Божий и молвил с неприкрытой укориз­ной: «А следочка твоего на святом месте я так и не заметил...»

Понял солдат свою небреж­ность, исправился следующим летом.

Просветлением, уроком ста­ли и для меня эти слова Николая Чудотворца, хотя не какой-то обет неволил душу, не какая-то забот­ная просьба звала помолиться ско­рому в бедах помощнику... Не в счет выходили все прежние поезд­ки, ноженьками следовало потру­диться. И верно, дети маленькие на это способны, на такой подвиг трудника, бабушки престарелые, инвалиды болезненные, а что же я, крепкий мужик, все на колесах да на колесах...

- ... Радуйся, яко тобою отго­нится рыдание; радуйся, яко тобою приносится радование. Радуйся, Николае, великий Чудотворче.

Чтение закончилось. Жена убрала в укромный кармашек ака­фист, достала полотенце и ушла в купальню, а я вышел на берег.

Синь над головой, расчер­ченная белыми полосами. Тихое стояние воды, ни «барашков»,

ни всплесков на речной глади. За спиной, на взгорке, робко игра­ет сосновыми лапами ветер, а в заречье, на всю ширину взгляда, – облитая золотом лесная бескрай­ность.

Стоишь на месте обретения чудотворной иконы Николы Вели­корецкого – как вольно, как сла­дочно на душе.

... К вечеру повернуло, короток день осенний, когда перед воз­вращением забежали повидать старую учительницу. А она неча­янным гостям рада, давай усажи­вать, чаем потчевать, одаривать трехлитровым молочным гостин­цем, на скорые порывы подняться – рукой обидчиво машет: успеется.

О наболевшем разговор зашел.

- Сколько сейчас населения в Великорецком? Человек триста, не больше осталось... Развалили все, растащили. Половина домов пустые стоят... Я вот в школе все время говорю: раньше жили по совести. Чтобы кого-то обидеть – никогда. А сейчас... Кто рабо­тал, колхоз поднимал – ни с чем остался. Машины, тракторы – все растянули... Была у нас больница Сычугова, до революции на всю округу славилась. Даже охране подлежала. А сейчас что с ней стало? Поручено все... И тут недавно слышу: еще одно охран­ное строение ломают, бывшие тор­говые ряды. Никто не заступится, никому ничего не нужно...

Надежда Никаноровна говорит тихо, неспешно, иногда отвлекаясь на собачий скул и отправляя вер­тящегося под ногами Дружка на место.

- В свое время начали у нас строить детский сад. А молодежи­то нет, не остается. Зачем тогда такой пустой новодел? Рекон­струировали спешно под детдом.

Сорок ребятешек там... Спрашиваю как-то девочку одну, она в девятом учится: «Кем ты будешь, когда вырастешь?» - «Бомжей» - «Ну почему бомжей?» - «А че я буду делать, если ничего не хочу делать...»

Девятый десяток лет отсчитывает уже эта женщина, выросшая в очень религиозной семье: «Господь помогает да святитель Николай...» До сих пор привечает паломников, в праздник в комнатах ее скромного домика шагу негде ступить. И в сенцах, на сеновале – повсюду люди на отдых пристроены.

- Ночевала в один год женщина средних лет. Ногу она поломала, не могла ходить. Но решилась, в крестный ход на костылях отправилась. И вытерпела все, до Великорецкого как-то добрела. Не оставляли, видимо, помощью добрые люди... Через год снова встречаемся. Она и рассказывает: «Исцелилась ведь я после купели, обратный путь без подручников прошла...» Эко чудо!..

Статью как-то в одном хорошем журнале прочла. В Вологодской области, по-моему, дело было. Катались два брата-мальчишки на лыжах. И один в заброшенный колодец провалился. А там вода ледяная... Пока подмогу искали, много времени прошло. А малец ничего, выжил. Даже сильно не пришибся, не захворал с простуды. Как так? «А мне старичок помогал, - сказывал потом. – Я плакал, а он над срубом склонился и успокаивал, уверял, что скоро найдут...» Потом иконку святителя Николая на стенке увидел и как закричит: «Да вон же он, тот старичок...»

... Прощались с Великорецким, когда уже сумерничало всюю.

- Теперь с крестным ходом буду вас поджидать, - сказала радушная

хозяйка, вытирая ладошкой-лодочкой слезливые глаза. – Коль охотка есть и силенки позволяют, надо в него ходить русскому человеку, надо обязательно...

Обещали...

Россия – Николина страна!

Нет на земле иного народа, кроме русского, кто бы славил испокон веков, почитал так безмерно святителя Николая. С древних лет это в закон возведено и поныне нерушимо. В историю Отечества загляните, православных писателей почитайте – и иных времен, и современников – не останется места сомнениям.

Первый православный храм, поставленный на могиле убиенного язычниками Аскольда в граде Киеве в конце IX века, - в его великую честь. В Новгороде Великом Никольских церквей было столько, «сколько дней в году». В Москве из сорока сороков – тридцать во имя святителя, а еще сотня приделов. А по всей Руси зоркий взгляд кинем: сколько Никольских святынь в дереве и камне возвел в благоговении русский человек – монастырей, соборов, часовен, подворий, приделов – утомимся считать.

«Выше пророков и апостолов, мучеников и святых, выше ангелов, над архангелами в ряд с Богородицей... Перед престолом Господним первый, верный заступник для страждущих в скорбях их и печалях...» Такова была и есть русская вера в великую силу и славу Угодника. Не случайно до восемнадцатого века простых людей даже не называли его именем, а из уст в уста передавалось народное сказание.

Пригласил как-то Господь на встречу святителя Николая и

преподобного Кассиана Римлянина. Облачились они скоренько в чистые белые одежды, поспешно в путь-дорожку снарядились. Потому как нельзя опаздывать, «начальство» ждать заставлять. А тут случись навстречу крестьянин с мольбой. Лошадка у него в грязи с повозкой застряла, подсобить просит. «Некогда нам, торопимся», — сухо отрезал Кассиан и дальше пошагал. А святитель Николай в самую жижицу с ногами забрался, плечо под телегу подставил, покрикивает: «А ну давай выручай, родимая...» Извозился весь, но радехонек: подмог человеку в печали.

Наконец, предстали святители пред очи Господа: один весь опрятный, беленький, а на одежды другого и смотреть неприятно.

— Это как же так понимать? — спрашивает строго.

Пришлось рассказывать без утайки, как мужика из беды выручать пришлось.

Взглянул тогда Господь на Угодника с одобрением, сменил гнев на милость и повелел на веки веков: за душевную отзывчивость назначить святителю Николаю именины аж дважды в году. Получил именной день и суровый Кассиан — 29 февраля, так что праздник его один раз на четыре года ложится...

Устав Русской православной церкви в литургическом круге седмицы выделил святителю даже «персональный» молитвенный день прославления — четверг. (Только св. Иоанн Креститель еще имеет «личный» день почитания — вторник). Много веков празднует Русь в декабре «Николу-зимнего» (день его преставления), в мае — «Николу-вешнего» (день перенесения мощей Угодника в Бари). И даже

есть совершенно особенный праздник — Рождество Николая Чудотворца (29 июля/12 августа).

И пусть не кровный он нам по рождению, грек, на далекой чужбине, под южным итальянским солнцем упокоены его святые мощи — что с того? Не было прежде, не сыскать и теперь, после страшных богоборческих десятилетий, края или города в Отечестве нашем, где нет Никольского храма или Никольского придела. И в каждой православной семье икона святителя Николая есть непременно.

Почему же на такую высоту вознесено почитание этого святого? За какие особенные заслуги? Все просто объясняется, если заглянуть в старинное «Житие» святителя Николая:

«Многая же великая и преславная чудеса великий сей угодник Божий сотвори по земле и по морю, в бедах сущим помогая, от потопления спасая и из глубины морской на сухо износя, от пленения восхищая и перенося в дом, от уз и темницы избавляя, от мечного посещения заступая, и от смерти свободя, многим многое подаде исцеление: слепым зрение, хромым хождение, глухим слышание, немым глаголение. Многих в убожестве и нищете последней страждущих обогати, гладным пищу подаде, и всякому ныне такожде призывающим его помогает, и от бед избавляет, его же чудес не можно исчести...»

Скорый помощник, отзывчивый заступник он в нужде человеческой. А когда народ русский не нуждался, не горевал, были ли в истории такие сказочные времена? Не припоминается что-то...

Приязнь русского человека, любовь безмерная к святителю

Николаю непоколебима. Тысяча лет уже ей – срок немалый.

А сам Угодник-то Божий за что ответно возлюбил многострадальную нашу землю?

Откройте прекрасного писателя Василия Никифорова-Волгина, безвинно растерзанного вятскими энкаведешниками в первый год Великой войны, прочтите в «Заутрене святителей»:

- За что, Никола, полюбил народ наш, грехами затемненный, ходишь по дорогам его скорбным и молишься за него неустанно?

- За что полюбил? – отвечает Никола, глядя в очи Сергия. – Дитя она – Русь!.. Цвет тихий, благоуханный... Кроткая дума Господня... дитя Его любимое... Неразумное, но любое. А кто не возлюбит дитя, кто не умилился цветикам? Русь – это кроткая дума Господня...

Лучшего ответа надо ли еще искать?..

С татаро-монгольщины, с ига заклётого известно и почитаемо на Руси три чудотворных образа святого Угодника. Первый – грозный Никола Можайский: в одной руке меч, в другой – церковка. Никому в обиду родную землю не даст, всех врагов порубит, обездоленных заслонит, утешит... Второй - крылатый Никола Зарайский: изображен во весь рост, фелонь приподнята, как крылья, и руки вперед простерты. Любое дело ему по плечу, любое чудо... Ну, а третий - наш, вятский, самый мирный, самый чтимый образ и царедворцев, и простонародья - Никола Велико-рецкий: милостивый сострадалец и успокоитель всех униженных и оскорбленных, опекун хворых и убогих, дорожный пастух. Сви-дишься с ним однажды, заглянешь

в излучающие тепло и ласку глаза, примешь благословение из его рук – непременно настроишься на новые встречи. И он добропамятный: всегда рядом будет, счастливым спутником, в какие бы ты города и веси ни махнул, какой бы заботкой ни одолелся.

Как-то на Рождество отправился я в Кострому, погостить у знакомого батюшки. Много мы с ним тогда разговоров переговори-ли - давно не виделись, не сидели за чайком в радушном приволье. А потом отец Андрей святые места своего города повез показывать. Приезжаем в Ипатьевский мона-стырь, и первое, что я замечаю в бывшей ризнице, - икону Николы Великорецкого XVI века, щедрый дар грозного царя Ивана! Вот так встреча!

Кинулся тут же по сувенирным лавкам и лоткам искать репродук-цию святой иконы, море альбомов, брошюр перебрал, – все напрасно. И никто ничего толком не подска-жет, не знают, как помочь.

Смирился я с печалью, при-тушил желание. Возвращаемся домой. А прямо в прихожей, на вид-ном месте лежит красочно иллю-стрированная книга «Кострома», вышедшая в серии «Памятники городов России» в далеком уже 1989 году. У батюшки библиотека богатая, но все по комнатам раз-ложено, кто ж этот сборничек на порог вынес, словно специально на погляд? Неведомо мне, занятно.

Принялся скоро листать из праздного любопытства и почти сразу чудным образом на цвет-ной вкладке родной лик святителя открыл.

Выпрашивать у батюшки в подарок книгу было как-то стес-нительно и неловко. По-иному решил: поутру поискать ее на

«сковородке»), главной городской площади, в букинистических развалах. Авось, и повезет. И точно: в торговых галереях, на первом же половичке предприимчивого молодого уличного продавца я увидел желанный томик.

Через пару деньков мы возвращались со святителем Николаем Великорецким домой, на Вятку...

Люба святому Угоднику земля наша вятская – тихая, неброская, солнышком едва с бочку обогретая, терпеливая. Много заботушки просит, настырства, пота и труда. Нелегко на ней жизнь строить, но надо. По сердцу и вятский житель – открытый, понятливый, ломовой в работе. И на сторонние подтрунки не обидчивый, сам на потехи и шутки горазд. Низменными привычками, болезнями заразными, конечно, не обойден – как же без человеческих слабюток и капризов, не в пустыне живет, в общем грешном мире, но настает пора покаяться – кается искренне, усердно: слава Богу за все!

Как же было не взять под свой покров, не явить милость, не одарить чудотворным образом лесную эту глубинку, еще ярче озарить ее поселенцев благотворным светом православия?

Долг платежом красен – старая русская присказка. Много храмов и часовен – искусных, архитектуры славной – в честь архиепископа Мир Ликийских воздвигли ответно скорые на благодарность вятчане. Пожалуй, в каждой волости, в каждом уезде было прежде пристанище для святителя Николая. Но главная его обитель все же остается здесь, на Великой реке – Великорецкий град.

Шесть веков по хлябям и луговым тропам, в отчаянную дождину или пеклое ведро, непрерывно

идут сюда молитвенным ходом благочестивые миряне. Тысячи их уже. По обетному слову идут, или попросить какую милость для себя и близких, или просто принести теплое слово признания. У каждого свое затаенное обращение к святителю. И не только вятского края здесь уроженцы – год от года все больше выходцев из других русских мест набирается: столичных, поволжских, сибирских. Всем святой Никола близок и угоден, от всех к нему святая молитва:

- О всесвятый Николае, угодниче преизрядный Господень, теплый наш заступниче и везде в скорбех скорый помощниче! Помози мне, грешному и унылому, в настоящем сем житии, умоли Господа Бога даровати ми оставление всех моих грехов, елико согреших от юности моея, во всем житии моем, делом, словом, помышлением и всеми моими чувствы...

Православное воинство Христово – числом великое, возрастом разное, лицами светлое, с торбочкой на спинах и непременною иконкой святителя на груди – собирается на Вятке в начале июня на шесть деньков. Труден путь от областного города до Великорецкого и обратно, сто пятьдесят километров – не шутка, до кровавых мозолей, до телесных судорог предстоит потрудиться, тяготы и лишения со смирением перенести. Есть ли еще на Руси такой подвиг, такой крестный ход, где паломников по праву называют трудниками...

Впереди фонарь-светильник, крест, золотые хоругви с ликами Господа и Богоматери, за ними чудотворный список с иконы Николы Великорецкого – покачивается на носилочках, нарядно убран цветами и хвойным лапни-

ком, следом командир-предстоятель, огненновласый батюшка Тихон в развевающихся темных одеждах, священники в рясах, непрестанно поющий акафист и молитвы церковный хор. А за этой главой крестного хода – тысячи русских людей, объединенные соборно одной целью, общим помыслом.

Двигается по заброшенным дорожкам нескорым шагом святая

Русь, осеняя себя крестным знаменем, – трепещут адовы силы, разбегаются прочь. Ничто нам не страшно, никто нас не сломит.

День пути, второй, третий... Я отрываю глаза от акафиста, и словно лучезарное солнышко теплит мне глаза - открывается село на горочке. Великое село!

Святителю отче Николае, моли Бога о нас!